

Правда. - 1993. - 3 нояб. - с. 8.

# «А вокруг, как на парад, вся страна шагает в ад...»

Похоже, для русских октябрь — месяц роковой. Вот и опять — повторим слова Талькова — «потрудились вожди-палачи сделать все, что возможно».

Думал ли Алексей Локтев, готовя моноспектакль «Я вернусь...», посвященный Игорю Талькову, что премьера эта 6 октября 1993 года окажется чуть ли не вызовом власти? Что выставит, прозвучавший два года назад в СКК «Юбилейный», соединит в сознании зрителей с орудийными залпами, только что крушившими Москву и, словно кукол, потропившими без вины виноватых москвичей? Что трагедия одной личности — русского поэта — станет прочитываться как предыстория трагедии, происшедшей буквально накануне премьеры с сотнями русских людей?

Всего этого автор — заслуженный артист России, лауреат Государственной премии СССР — предвидеть, конечно, не мог. Хотя и чувствовал: тальковские строчки будут восприниматься ныне столь же остро, как прежде. Однако случилось так, что в контексте недавних кровавых событий, роспуска парламента, Советов, введения чрезвычайного положения, борьбы с инакомыслием они обрели новый, куда более пронзительный смысл. «Родина моя скорбна и нема... Родина моя — нищая сума, Родина моя, ты сошла с ума».

Между прочим, в ту черную

неделю и III телеканал несколько вечеров краду крутил песни Талькова. В самом деле, разве скажешь про нас точнее и образнее: «На планете Земля стран таких не отыскать, кроме той роковой, в которой вы все не живете, не живете, потому что нельзя это жизнью назвать»? И умеющие не только смотреть, но и видеть, не только слушать, но и слышать, наверняка оценили мудрость Московской телекомпании.

Своими преисполненными болью и любовью балладами поэт пытался предостеречь Россию от нового всплеска сумасшествия, но... Но если при прежнем режиме ему просто не давали петь, то при нынешнем — его убили.

Спектакль «Я вернусь...», производящий последний день жизни Талькова, начинается безмятежно и даже весело. В некоем концертном зале публика ожидает своего кумира, выступающего в это время в другом месте (том самом СКК «Юбилейный»). Он запаздывает. Но поклонники понимают, что певец на вершине популярности, он — нарасхват, и уверены: в конце концов их терпение вознаградится сторицей. А пока, до его появления, их развлекает байками о знаменитом земляке старинный друг Талькова, взявший на себя роль не то конферансье, не то ведущего.

Герой спектакля и его автор не были знакомы лично. Не довелось. Персонаж друга, как и связанный с ним сюжетный ход, — художественный домysel. Все ос-

тальное — истинная правда, основанная на исповеди певца в книге «Монолог», его биографических данных, стихах, песнях и архиве, предоставленном вдовой. Тania Талькова увидела «Я вернусь...» впервые вместе со зрителями, пришедшими на премьеру. На репетициях не была, целиком доверившись Локтеву. Она знала: этот человек остался верен и в жизни, и в творчестве чистым идеалам «шестидесятников», которых в юности играл в фильмах «Прощайте, голуби!», «Я шагаю по Москве», «Наш дом»... Знала о предыдущих моноспектаклях Локтева, посвященных Сергею Есенину: «Россия-мать, прости меня, прости!» и Николаю Рубцову: «Россия — Русь, храни себя, храни!» Работой о Талькове автор ставил точку в своем триптихе о трагических судьбах русских поэтов и Родины.

В «Я вернусь...» он, как и прежде, старался быть документально точным. Однако стремление соблюсти достоверность жизненной фактуры, видимо, сковывало его, мешая подняться до художественности драматургии. Впрочем, относится это лишь к первой, комедионо-драматической, части спектакля, заканчивающейся выстрелом...

Ремарка. Убийцу поэта, конечно же, не нашли. Хотя и делали вид, что искали. Следствие старательно затягивалось. Потому и является суперсекретным дело под № 381959. Ибо каждому, кто прочтет его, станет ясно как дважды два, кто преступник, и

столь же не ясно, почему до сих пор он находится на свободе. Правда, из дела вы не узнаете ни имен хозяев, заказывавших «музыку», ни тех переговоров, что вели следователь и подозреваемый в день первой встречи. Точнее, в ночь, когда на личном «Мерседесе» подследственного, который сам и сидел за рулем, его «конвоировали» из Москвы в питерскую прокуратуру. Может, во время того романтического путешествия они и обмозговали дальнейшие ходы сценария?

И через восемь месяцев, в течение которых расследование шло ни шатко ни валко, служитель закона публично заявит: «Все считают, что это дело должно идти первым. Я считаю, что нет. Есть дела актуальней — убийства женщин, детей». А для гнева общественности определит новую «мишень» — бывшего администратора Талькова, уехавшего на свою историческую родину, в Израиль. А тот бежал из нашей сумасшедшей страны без оглядки в силу своей национальной сообразительности. Понял: если безнаказанным остается убийца знаменитости, то уж его пристрелят просто как собаку в подезде. Именно так, надо сказать, и случилось позже с главным редактором студии музыкальных и развлекательных телепрограмм «Останкино» В. Куржиямским и продюсером группы «Комбинация» А. Шишиным. Их убили как раз в пустоте подъездов собственных домов. И хотя представители оте-

чественной Фемиды вроде бы старались раскрыть преступления, результатов нет. А ведь цепь этих «случайностей» давным-давно могла бы вывести служителей закона на столбовую дощину. Но зачем трогать тех, у кого «денег курь не клюют»? Другое дело, когда надо наказать политического противника. Тогда на это бросаются все силы. Его могут разыскать даже в стог сена — вопреки известной поговорке.

Нет, не вернется Тальков в эту «страну дураков». А станет ли она и «через сто веков» страной гениев?

...Струится колокольный звон, и на могиле убитого поэта разворачивается вторая — трагическая часть сценического действия. Друг как бы отчитывается перед Игорем, что произошло в Отечестве с тех пор, как он ушел от нас «таинственным гонимым». В стране объявились вурдалаки; гробов стало больше, чем колыбелей; «а стена твоя Кремлевская еще больше покраснела: то ли от стыда, то ли от пролитой крови».

Очень скупыми, порой штриховыми средствами Локтеву удалось создать весьма выразительный видеоряд спектакля. Это всего лишь театральные колосники, игра света, цвета, небольшая дощатая панель, превращающаяся то в рекламный щит, то в деревенский шалаш, то в скорбную могилу. А Кремлевской стеной предстает перед зрителями кирпичный задник сцены. Но, пожалуй, более всего в оформлении за-

поминается символ, сверху которого контуры Мавзолея, внизу — купола православных храмов. В финале декорация внезапно переворачивается, и купола церкви устремляются ввысь, что означает надежду на приоритет в нашей будущей жизни общечеловеческих нравственных и духовных ценностей, а не очередной политической догмы. Кстати, именно в день премьеры — по странному совпадению — у Мавзолея Ленина сняли почетный караул.

Оставаясь верным документальной фактуре и во второй части, автор уже достигает здесь высот публицистики и драматургии. Не случайно каждую минуту зрители, не отучившиеся в период гласности читать между строк, взрываются аплодисментами, усатривая аналогии с сегодняшним днем.

Вышедший после спектакля на сцену брат Талькова — Владимир поблагодарил Локтева за честность и смелость. И это было действительно смело: устроить премьеру в то самое время, когда «как на парад, вся страна шагает в ад широкой поступью». Когда приостановили оппозиционные газеты, прихлопнули неэзровские «600 секунд», когда в стране свирепствовала цензура. Слава Богу, до театров свои щупальца она, как видно, не дотянула.

И всем, кому дорог поэт, стремившийся пробудить в людях патриотизм, национальную гордость, или кто просто желает согреть теплом свои остывшие души, советуем: идите и смотрите «Я вернусь...» в Театре имени Пушкина!

Тамара МАРТЫНОВА,  
Ирина МАЙОРОВА.